

Н. Б. Дубенец

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

ORCID ID: —

 E-mail: dubenetsnb@mail.ru.

Реализация менасивного речевого акта в американском дипломатическом дискурсе (на примере высказываний Дональда Трампа в «Твиттере»)

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена изучению реализации речевого акта угрозы в американском внешне-политическом дискурсе. Освещаются различные типы речевого акта угрозы: угрозы-предупреждения, угрозы-наказания, угрозы с прямым и косвенным значением, также подробно рассматривается понятие и роль речевой ситуации в менасивном речевом поведении. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения такого нового феномена международных отношений, как «твиттпломатия» в ситуации политического конфликта. Целью исследования является рассмотрение на различных уровнях: прагматическом, семантическом и грамматическом — характерных черт менасивного речевого поведения Дональда Трампа в дипломатическом социомедийном дискурсе в ситуации международного конфликта США с другими государствами. Материалом исследования послужили опубликованные в «Твиттере» англоязычные посты Дональда Трампа, содержащие угрозы в адрес руководителей других стран. Используются методы дескриптивного и интерпретативного анализа. Проанализированные примеры позволили автору статьи сделать вывод о том, что с точки зрения прагматики дискурса менасивное речевое поведение американского президента Дональда Трампа выполняет следующие функции: принудительную, манипулятивную, превентивную, имиджевую. На вербальном уровне речевые акты угрозы Трампа имеют семантическую и грамматическую маркированность. За счет использования сразу нескольких речевых актов агональности Трампу удается достичь наибольшего прагматического эффекта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дипломатический дискурс; политический дискурс; политические деятели; американские президенты; языковая личность; лингвоперсонология; политическая риторика; речевые тактики; речевые стратегии; речевое поведение; речевые акты; угрозы; менасивное речевое поведение; речевая ситуация; политические конфликты; международные отношения; Интернет; интернет-пространство; интернет-коммуникация; социальные сети.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Дубенец Нина Борисовна, аспирант, Астраханский государственный университет; 414056, Россия, Астрахань, ул. Татищева, 20а; e-mail: dubenetsnb@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дубенец, Н. Б. Реализация менасивного речевого акта в американском дипломатическом дискурсе (на примере высказываний Дональда Трампа в «Твиттере») / Н. Б. Дубенец // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5 (83). — С. 80-86. — DOI 10.26170/pl20-05-08.

«Твиттпломатия» Дональда Трампа стала уже отдельным феноменом международных отношений. Американский президент нарушает каноны дипломатического дискурса, отличительной чертой которого всегда была завуалированность критики, конвенциональный политекс, косвенность обвинений, отсутствие прямых угроз. Риторика американского президента отличается жесткостью высказываний, прямолинейностью, чрезмерной эмоциональностью и крайней агрессивностью в отношении политических оппонентов, что находит подтверждение в частом использовании стратегии устрашения.

Стратегия устрашения как один из методов информационной войны (на этапе эскалации политического конфликта) находит дикурсивное выражение в политическом тексте посредством речевых действий разоблачения, обвинения, угрозы [Блох 2015: 75—79]. При этом угроза, по мнению специалистов, является базовой категорией для

всего многообразия менасивных речевых актов в современном английском языке [Эпштейн 2009: 216].

Прагматика угрозы заключается в том, что говорящий пытается заставить слушателя сделать что-то под угрозой наказания. Речевой акт угрозы относится к агрессивным речевым актам. Обращение к менасивному речевому поведению в политическом мире в случае напряженных международно-дипломатических отношений или военного конфликта объясняется тем, что данный речевой акт апеллирует к такой сильной деструктивной эмоции, как страх. Страх способен лишить адресата угрозы объективного и рационального восприятия действительности, превращая его в удобную мишень для запугивания и манипулирования. Главная цель речевого акта угрозы во внешнеполитическом дискурсе — заставить политического оппонента выполнить выгодные для адресата угрозы действия либо отказаться от выполнения каких-либо действий. Рече-

вой акт угрозы реализуется в модели отноше- ний «тиран — жертва», при этом угрозы явля- ются мощным инструментом удержания вла- сти над «жертвой».

При реализации речевого акта угрозы большую роль играет речевая ситуация, подразумевающая конкретные обстоятель- ства, в которых происходит речевое взаимо- действие. Речевая ситуация состоит из сле- дующих основных компонентов: участников общения; места и времени общения; цели общения; обратной связи между участниками общения [Радугин 2004: 256].

Различают два основных типа угрозы: угроза-наказание и угроза-предупреждение. «Угрозы-наказания реализуются в ситуаци- ях, когда адресат сделал что-то нежела- тельное для говорящего, и он предупреждает адресата о наказании, которое за это по- следует». Истолкование угрозы-наказания, согласно А. Н. Баранову, выглядит следую- щим образом: «X угрожает / грозит, Y-у, что сделает P = „X говорит Y-у, что сделает P — нечто плохое для Y-ка, из-за того, что X сде- лал что-то плохое Y-ку (=Q), чтобы Y боялся P и осознал, что нехорошо делать плохое для X-а (в том числе и Q) и не делал это в будущем“» [Баранов 2013].

«Угроза-предупреждение используется в тех случаях, когда говорящий понимает, что адресат может совершить нечто нежела- тельное для него (или связанных с ним лиц), и пытается предотвратить это. Истолкова- ние угрозы- предупреждения: «X угрожа- ет/грозит Y-ку, что сделает P (чтобы Y не делал Q) = X говорит Y-ку, что сделает P — нечто плохое для Y-ка, если Y сделает Q — что-то плохое для X-а, чтобы X боялся P и из-за этого не делал Q» [Баранов 2013].

Примером угрозы-предупреждения мо- жет служить обращение американского пре- зидента, опубликованное им в «Твиттере»:

(1) *Russia vows to shoot down any and all mis- siles fired at Syria. **Get ready Russia, because they will be coming, nice and new and «smart».** You **shouldn't be partners** with a Gas Killing Animal who kills his people and enjoys it!*

Американский президент предупреждает российскую сторону о неотвратимом воз- мездии в виде ракет, которые будут более точными и совершенными, в том случае ес- ли Россия не прекратит сотрудничество с Сирийской стороной. Таким образом, данное высказывание можно рассматривать как ультимативную угрозу, хотя с точки зрения синтаксической структуры здесь отсутствует союз «ог» («или, а то, в противном случае»), но условие, выдвигаемое американской стороной, имеет явно ультимативный характер. Иллоку- ция угрозы выражается с помощью лексических

и грамматических средств: «Get ready Russia», «will be coming», «shouldn't be partners».

Тексты, содержащие угрозу, как правило, грамматически маркированы. При передаче угрозы достаточно активны инфинитивы в составе составного глагольного сказуемого либо в безличных предикативных частях. Так, в вышеприведенном примере это «will be coming» (сочетание глагола будущего времени *will* и продолжительного инфинити- ва), «shouldn't be partners» (сочетание модаль- ного глагола, выражающего долженствование, требование, с простым инфинитивом). Анализ семантических типов угроз показывает, что угроза всегда направлена в будущее, адре- сант как бы подготавливает адресата к некое- му плохому действию, эффект которого тот может испытать. В нашем примере присутст- вуют как предикаты в грамматической форме будущего времени «will be coming», так и сема будущего негативного события, содержащаяся в императиве «Get ready» и превентиве «shouldn't be partners».

Отличительной чертой менасивного рече- вого поведения Трампа является высокая кон- центрация агрессии в его высказываниях. Трамп использует сразу несколько видов ре- чевых актов агональности: угрозу («Get ready»; «will be coming»), дискредитацию в форме ре- чевого акта обвинения (Трамп имплицитно обвиняет Россию в сотрудничестве с преступ- ным, с его точки зрения, главой Сирии Баша- ром Асадом: «...partners with... who kills his people...»), речевого акта оскорбления в адрес Башара Асада («a Gas Killing Animal»).

Рассмотрим далее пример угрозы- наказания:

(2) *NEVER, EVER THREATEN THE UNITED STATES AGAIN OR YOU **WILL SUFFER CONSEQUENCES** THE LIKES OF WHICH FEW THROUGHOUT HISTORY HAVE EVER SUFFERED BEFORE. WE ARE NO LONGER A COUNTRY THAT WILL STAND FOR YOUR DEMENTED WORDS OF VIOLENCE AND DEATH. **BE CAUTIOUS!***

Данный пример можно отнести к угрозе- наказанию. Императив «NEVER, EVER THREATEN THE UNITED STATES AGAIN» предполагает, что иранская сторона уже име- ла неосторожность угрожать США и поэтому должна за это ответить, т. е. понести наказа- ние в виде каких-то негативных последствий («YOU WILL SUFFER CONSEQUENCES»). Приведенное высказывание воспринимается как прямая угроза. Содержание угрозы носит неопределенный характер, так как действие- наказание не конкретизировано, при этом ад- ресат и адресант понимают, о чем идет речь.

В данном примере американский прези- дент ставит иранскую сторону перед выбором,

который на языковом уровне оформлен раздельным союзом «or» («или»): приведенное высказывание имеет эксплицитно выраженные признаки ультимативной угрозы. В целях достижения экспрессивности здесь также задействуются такое синграфемное средство невербальной коммуникации, как восклицательный знак: «BE CAUTIOUS!»

В качестве лексического компонента в прямых имплицитных менасивных речевых актах используются глаголы и глагольные сочетания со следующей семантикой:

1) физического уничтожения (*to kill, to destroy, to hang, to beat, to shoot, to attack, to crush, to slaughter, to hit, to break, to wipe out, etc.*);

2) социальных санкций (*to pursue, to bring to justice, to bring to book, put in jail, to keep in custody, etc.*);

3) преследования (*to hunt down, to track down, to target, to ferret out, to rout out, etc.*);

4) лишения (*to strip, to clean from, to disarm etc.*);

5) изоляции или изменения статуса (*to impeach, to deport, to dismiss, to over throw, etc.*);

6) выдворения (*to smoke out, to drive out, to root out, to move out, etc.*);

7) удержания силой (*to capture, to catch, etc.*);

8) силового доминирования (*to prevail, to overcome, to preempt, to devour, to lead the fight, to gain triumph, etc.*) [Эпштейн 2009: 1339].

(3) *Iran has been nothing but problems for many years. Let this serve as a WARNING that if Iran strikes any Americans, or American assets, we have **targeted** 52 Iranian sites (representing the 52 American hostages taken by Iran many years ago), some at a very high level and important to Iran and the Iranian culture, and those targets, and Iran itself, **WILL BE HIT VERY FAST AND VERY HARD**. The USA wants no more threats!*

(4) *The US will respond to any attack against an American target with **tremendous overwhelming force**. In some areas it will be **complete annihilation**.*

В примерах (3) и (4) американский президент дискурсивно конструирует образ США как сильной державы, готовой отстаивать национальные интересы любыми средствами. Трамп угрожает разбомбить культурные и исторические объекты на территории Ирана, что представляет собой некую угрозу — возмездие за причиненный много лет назад моральный ущерб США (52 иранских объекта, на которые нацелились США, соответствуют 52 заложникам, которые были захвачены Ираном).

Трамп выражает в своих высказываниях в «Твиттере» намерение вести жесткую политику по отношению к Ближнему Востоку. На вербальном уровне менасивное речевое поведение реализуется за счет использова-

ния глаголов и слов, означающих «физическое уничтожение»: «we have targeted» («мы нацелены»); «will be hit very fast and very hard» («будут подвергнуты быстрому и сильному удару»); «will be complete annihilation» («будет полное уничтожение»). Использование эпитетов «**tremendous overwhelming** (force)» («ошеломляющая огромная сила»), «**complete** annihilation» («полное уничтожение»), «will be hit very fast and very **hard**» (будет нанесен быстрый и сильный удар) усиливает перлокуцию высказываний и способствует созданию устрашающего образа США.

Не менее агрессивным является речевое поведение американского лидера по отношению к Северной Корее. Так, в своем обращении к правительству Северной Кореи Дональд Трамп прямо угрожает уничтожить страну, которая посмела без согласия США запустить ракеты:

(5) *The Unites States has great strength and patience, but if it is forced to defend itself or its allies, we will have no choice but to **totally destroy** North Korea.*

В примере (6) Трамп прямо не выражает угрозу, но имплицитно осуждает политический режим корейского лидера Ким Чен Ына и объективирует угрозу — предупреждение о том, что если Ким Чен Ын не прекратит развивать такую модель политики, то его неминуемо ждет политическая смерть, как и всего его режима:

(6) *Rocket man is on a **suicide** mission for himself and his regime.* Употребление лексемы «suicide» помогает Трампу выразить угрозу — предупреждение о политическом самоубийстве адресата высказывания.

Чтобы реализовать речевой акт угрозы, говорящий должен вложить в него иллюкативную силу угрозы. В теории речевых актов слово приравнивается к действию, если высказывание содержит перформативный глагол (в грамматической форме 1 лица единственного числа настоящего времени, например: *обещаю, приказываю*). Согласно З. Вендлеру, речевой акт угрозы тяготеет к побудительному классу иллюкативных актов, однако употребление перформативного глагола «угрожаю» в данном типе речевого акта недопустимо, поскольку приводит к эффекту «иллюкативного самоубийства» [Вендлер 1985: 246]. Обратимся к примеру:

(7) *Iran **will be held fully responsible** for lives lost, or damage incurred, at any of our facilities. They **will pay a very BIG PRICE!** This is not a warning, it is a **Threat**. Happy New Year!*

Использованная номинация «threat» (угроза) в речи американского президента может приравниваться по своей функции к перформативному глаголу *I threat* («я угрожаю»), что приводит к коммуникативной неудаче. Помимо

прямого обозначения менасивной интенции, выраженной в лексеме *threat*, американский президент также прибегает к косвенному речевому акту угрозы, предупреждая Иран о некоем неминуемом наказании («will be held fully responsible», «will pay a very BIG PRICE») за причиненный США ущерб.

Имплицитность данной угрозы-наказания заключается в том, что говорящий не угрожает напрямую, а сообщает о некоторых негативных результатах противоправного действия, за которое оппонент должен понести наказание. При этом глаголы, транслирующие угрозу, содержат семантический компонент, обозначающий «санкции» (сравн.: «will be held responsible», «will pay a BIG PRICE»).

Характерной чертой внешнеполитического социомедийного дискурса Дональда Трампа является экспрессивность, выраженная с помощью синграфемных средств коммуникации. Лексемы, обладающие наибольшей менасивной нагрузкой, выделяются заглавными буквами («BIG PRICE», «Threat», «Warning»), что способствует достижению перлокутивного эффекта высказывания.

Речевой акт с эксплицитно выраженной интенцией, когда говорящий имеет в виду ровно и буквально то, что он говорит, в теории речевых актов носит название прямого речевого акта. Если же в речевом акте говорящий имеет в виду прямое значение и, кроме того, нечто большее, такой речевой акт характеризуется как косвенный акт [Эпштейн 2009: 216]. Особый интерес представляют речевые акты угрозы с косвенным значением, поскольку вычленив менасивную интенцию иногда бывает сложно и здесь нужно учитывать множество факторов.

(8) *Kim Jong Un of North Korea, who is obviously a madman who doesn't mind starving or killing his people, will be tested like never before.*

Данный пример менасивного речевого поведения американского президента манифестирует эскалацию конфликта между США и Северной Кореей, находящую выражение в нарастании агрессивности риторики двух политических противников — Дональда Трампа и Ким Чен Ына: взаимные угрозы и оскорбления с обеих сторон способствуют интенсификации конфликта.

Рассматриваемое нами менасивное речевое поведение американского президента реализуется в речевой ситуации противостояния северокорейской ядерной программе. Непосредственным триггером для вышеприведенного менасивного речевого акта послужила угроза Пхеньяна запустить самый мощный ядерный заряд над Тихим океаном.

Менасивная интенция, заключающаяся в намерении остановить ядерные испытания в

Тихом океане, вербально обыгрывается с помощью лексемы «test». Использованный глагол «test» является своего рода аллюзией на угрозу Пхеньяна протестировать ядерную бомбу над Тихим океаном. При этом в данном контексте глагол «test», денотативное значение которого «to try, use or examine sth carefully to find out if it is working properly or what it is like» [Oxford Dictionary 2005: 737], приобретает дополнительную негативную коннотацию, своего рода приращение новых смыслов: «испытать на прочность, стойкость в случае нанесения ответного удара со стороны противника», «проучить». Игра слов, основанная на полисемантичности слова «test», придает эмоциональную экспрессивность высказыванию.

Употребляя глагол «test» в пассивной форме, американский президент подчеркивает, что Северная Корея представляет глобальную угрозу для всего мирового сообщества и поэтому остановка ядерных испытаний, проводимых Северной Кореей, является первостепенной задачей не только внешней политики США, но и других акторов на мировой арене. Пассивный залог позволяет, таким образом, сместить фокус с адресанта угрозы на опасность преступления, совершаемого со стороны государства — политического оппонента.

Отличительной чертой внешнеполитического дискурса американского президента Дональда Трампа является использование сразу нескольких разновидностей речевых актов агональности, что способствует усилению степени агрессивности его риторики. Данный прием можно назвать *конвергенцией агрессии*.

В вышеприведенном высказывании Трамп одновременно обвиняет Ким Чен Ына в совершении бесчеловечных преступлений против своего народа («doesn't mind starving or killing his people»), дискредитируя своего оппонента, оскорбляет, называя корейского лидера «madman», и угрожает причинением некоего вреда («will be tested like never before»). Данный прием, основанный на использовании речевых актов обвинения, оскорбления, дискредитации и угрозы, позволяет достичь сильного эмоционального воздействия на сознание адресата.

(9) *Just heard Foreign Minister of North Korea Speak at UN. If he echoes thoughts of Little Rocket Man they won't be around much longer!*

Имплицитная менасивная интенция заложена в выражении «won't be around much longer» («долго не протянут»), которое имеет ярко выраженную негативную смысловую нагрузку. При этом американский президент не адресует угрозу Ким Чен Ыну и министру иностранных дел Северной Кореи на пря-

мую. Имплицитность угрозы реализуется за счет моделирования некой негативной ситуации, при которой прогнозируется скорая гибель или уничтожение адресата. Ультимативный характер данному речевому поведению придает выдвигаемое Трампом условие «If he echoes thoughts of Little Rocket Man» («Если он выражает то же мнение, что и маленький ракетчик»). Использование речевого акта оскорбления с использованием пейоративной лексики в адрес северокорейского лидера «Little Rocket Man» усиливает общее негативное впечатление от всего высказывания.

В данном случае трудно отличить речевой акт угрозы от прогнозирования, если не брать во внимание контекст. Под контекстом с точки зрения прагматики высказывания мы будем понимать некую речевую ситуацию, в которой реализуется данный речевой акт угрозы. В вышеприведенном примере такой речевой ситуацией выступает международно-дипломатический конфликт между США и Северной Кореей, связанный с кампанией по денуклеаризации Корейского полуострова, инициированной американской стороной. Для реализации своих интенций США неоднократно угрожали Северной Корее введением санкций, подрывом экономики и даже физическим уничтожением. Исходя из этих фоновых знаний, можно отнести данное высказывание к менасивному речевому акту.

При анализе менасивного речевого поведения в американском внешнеполитическом дискурсе довольно часто приходится иметь дело с контекстами, в которых угроза выражена имплицитно, т. е. не явно. Для того чтобы распознать скрытую угрозу, адресату необходимо совершить ряд логических операций в своем сознании.

Согласно М. В. Никитину, всякое высказывание имплицитно предполагает некую содержательную «среду обитания», в структуре которой оно приобретает смысл. Эти имплицитные фон и шлейф образуются посредством импликаций из эксплицитного значения высказывания. Совокупность этих импликаций подразделяется на ретроспективные и проспективные [Никитин 1996: 517].

Пресуппозиции определяются как ретроспективные импликации из высказываний, совокупность имплицитных суждений, которые относятся к эксплицитному смыслу высказывания как условия к следствию.

Постсуппозиции — это логические выводы, следствия из эксплицитного высказывания, возможное выводное значение [Никитин 1996: 517].

(10) *The US Embassy in Iraq is, and has been for hours, SAFE! Many of our **great Warfighters**, together with **the most lethal military***

equipment in the world, was immediately rushed to the site.

Данное высказывание имеет следующие пресуппозиции:

1) США обладает самым смертельным военным оружием в мире («the most lethal military equipment»);

2) у США есть армия бойцов («great Warfighters»);

3) и оружие, и солдаты находятся в боевой готовности («was immediately rushed to the site»).

Постсуппозиции позволяют адресату сделать выводы об угрозе, исходящей от США:

1) смертельное оружие может быть применено против Ирака;

2) армия солдат уже находится на месте, поэтому могут начаться военные действия;

3) следовательно, необходимо выполнить условия США, чтобы избежать военного противостояния.

Менасивное речевое поведение в дипломатическом социомедийном дискурсе американского президента Дональда Трампа отличается *полифункциональностью* ввиду того, что охватывает широкую целевую аудиторию по всему миру. Анализ речевых актов угрозы в твитпломатии Трампа позволяет выделить следующие функции:

1. *Принудительная функция* заключается в том, что государство, которому адресована угроза, под страхом наказания вынуждено пойти на условия, выдвигаемые американской стороной.

2. *Манипулятивная функция* позволяет осуществлять контроль над слабыми акторами на мировой арене. Американская сторона во многом навязывает выгодные для себя представления о политическом устройстве мира в сознании слушателей, пропагандируя свои политические концепции и идеологию. Угроза в этом отношении является мощным орудием управления принятием важных политических решений со стороны других государств.

3. *Превентивная функция* способствует снижению рисков, связанных с повторением противоправных действий в будущем. Данная функция направлена на защиту прежде всего интересов своей страны.

4. *Имиджевая функция* создает образ страны — победительницы, миротворца, сильного актора на мировой арене, главным приоритетом которой является защита всего мирового сообщества от глобальных угроз.

Для осуществления данных функций американский президент часто прибегает к речевой агрессии в своих сообщениях в «Твиттере», в том числе и к угрозам:

(11) *Iran leadership doesn't understand the words «nice» or «compassion», they never have. Sadly,*

*the thing they do understand is **Strength and Power**, and the USA is by far **the most powerful Military Force in the world**, with 1,5 trillion Dollars invested over the last two years alone...*

С целью запугать политического оппонента американский президент прибегает к косвенной угрозе-предупреждению, подчеркивая, что иранское руководство понимает только силу и власть. В своем высказывании Дональд Трамп дискурсивно конструирует образ США как мощной военной державы, способной разгромить любого противника: «the most powerful Military Force in the world». Создавая устрашающий образ непобедимой страны, президент часто использует лексемы с семантикой силы («strength», «power», «powerful», «force»). Использование синграфемных средств экспрессивности (заглавные буквы) способствует созданию перлокутивного эффекта.

На основе проанализированных примеров можно сделать вывод, что менасивные речевые акты в дипломатическом социомедийном дискурсе президента США Дональда Трампа имеют определенную общность, или маркированность на различных уровнях. На прагматическом уровне это выполнение таких функций, как принудительная, манипулятивная, превентивная, имиджевая. С точки зрения лексики в высказываниях Трампа, имеющих иллюзию угрозы, преобладают слова с семантикой физического уничтожения, что позволяет ему дискурсивно конструировать в сознании слушателя (как политического оппонента, так и всего мирового сообщества) образ США как непобедимой державы с мощной военной инфраструктурой; на грамматическом уровне используются императивы, модальные глаголы, предложения с разделительным союзом «or / или» для выражения ультимативных угроз; на графическом уровне экспрессивность передается с помощью специальных синграфемных средств выразительности (заглавные буквы, восклицательные знаки).

N. B. Dubenets

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

ORCID ID: —

 E-mail: dubenetsnb@mail.ru.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, Ю. Д. Перформативы в грамматике и словаре / Ю. Д. Апресян. — Текст : непосредственный // Известия Академии наук СССР. Сери. литературы и языка. — 1986. — Т. 43. — № 4. — С. 208—223.
2. Баранов, А. Н. Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста / А. Н. Баранов. — Текст : электронный // Диалог : ежегод. Междунар. конф. — Москва : Изд-во РГГУ, 2013. — Вып. 12 : Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. — Т. 1. — С. 84—94. — URL: http://www.dialog-21.ru/media/1308/dialog_2013_vo11web.pdf.
3. Блох, М. Я. Дискурсивное выражение стратегии устрашения в политическом тексте конфликтной ситуации: (на материале английского языка) / М. Я. Блох, Е. Ю. Алешина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2015. — № 2 (52). — С. 75—79.
4. Вендлер, З. Иллокутивное самоубийство / З. Вендлер. — Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва, 1985. — Вып. 16. — С. 238—251.
5. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика : пер. с англ. и нем. / Р. Водак ; ВГПУ. — Волгоград : Перемена, 1997. — 139 с. — Текст : непосредственный.
6. Иссерс, О. С. Речевое воздействие / О. С. Иссерс. — Москва : Флинта : Наука, 2009. — 224 с. — Текст : непосредственный.
7. Малинович, Ю. М. Коммуникативно-прагматический класс предложений угрозы / Ю. М. Малинович, И. М. Семенова. — Текст : непосредственный // Логико-семантические и прагматические проблемы текста. — Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та, 1990. — С. 58—62.
8. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. — Санкт-Петербург, 1996. — 517 с. — Текст : непосредственный.
9. Радугин, А. А. Русский язык и культура речи / А. А. Радугин. — Москва : Библиотека, 2004. — 256 с. — Текст : непосредственный.
10. Стеклова, Т. И. Угроза как речевой жанр / Т. И. Стеклова. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. — С. 6—7.
11. Эпштейн, О. В. Языковое оформление речевого акта угрозы (на материале английского политического дискурса) / О. В. Эпштейн. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2009. — № 1 (3). — С. 216—220.
12. Эпштейн, О. В. Косвенный речевой акт угрозы в политическом дискурсе (на материале английского языка) / О. В. Эпштейн. — Текст : непосредственный // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2009. — Т. 11. — № 4—5. — С. 1337—1339.
13. Donald Trump's speeches. — URL: <https://www.realdonaldtrump.com>. (date of access: 19.07.2020). — Text : electronic.
14. Halmari, H. In Search of “successful” Political Persuasion: A Comparison of the Styles of Bill Clinton and Ronald Reagan / H. Halmari. — Text : unmediated // Persuasion Across Genres: a linguistic approach. — Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2005. — P. 105—134.
15. Oxford dictionary of English (для ABBYY Lingvo x3). — Oxford University Press, 2005. — Computer program : electronic (date of access: 15.06.2020).

Realization of the Menacing Speech Act in American Diplomatic Discourse (based on Donald Trump's speeches on Twitter)

ABSTRACT. *The paper deals with the study of realization of the speech act of threat in American diplomatic discourse. This article covers different types of speech acts of threat: threat-penalty, threat-warning, threats with direct and indirect meaning, etc. The article also examines the concept and role of a speech situation in the menacing speech behaviour.*

The urgency of the study is determined by the demand for researching into twiplomacy as a new phenomenon of international relationships in the situation of political conflict. The study is aimed at describing the basic features of Donald Trump's menacing speech behavior in social media diplomatic discourse in the situation of international conflict between the USA and other states on various levels: pragmalinguistic, semantic and grammatical. The study is based on Trump's English language posts on Twitter which contain threats to other countries' leaders. The methods of descriptive and interpretative analysis are used. Having examined the examples, the author draws the conclusion that in terms of pragmalinguistics of discourse Trump's menacing speech behaviour performs the following functions: forcing, manipulative, preventive, and image-making. On the verbal level, speech acts of threat are marked semantically and grammatically. Trump manages to achieve a strong pragmatic effect by using simultaneously several acts of agonality in one speech.

KEYWORDS: diplomatic discourse; political discourse; politicians; American presidents; linguistic personality; linguopersonology; political rhetoric; speech tactics; speech strategies; speech behavior; speech acts; threats; menacing speech behavior; speech situation; political conflicts; international relations; Internet; Internet space; Internet communication; social networks.

AUTHOR'S INFORMATION: Dubenets Nina Borisovna, Post-Graduate Student, Astrakhan State University, Russia, Astrakhan.

FOR CITATION: Dubenets, N. B. Realization of the Menacing Speech Act in American Diplomatic Discourse (based on Donald Trump's speeches on Twitter) / N. B. Dubenets // Political Linguistics. — 2020. — No 5 (83). — P. 80-86. — DOI 10.26170/pl20-05-08.

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. Performativny v grammatike i slovare / Yu. D. Apresyan. — Tekst : neposredstvennyy // Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seri. literatury i yazyka. — 1986. — T. 43. — № 4. — S. 208—223.
2. Baranov, A. N. Threat Semantics in the Linguistic Examination of the Text / A. N. Baranov. — Text : electronic // Dialogue : annual International conf. — Moscow : Publishing house of the Russian State University for the Humanities, 2013. — Issue 12: Computational Linguistics and Intelligent Technology. — Vol. 1. — P. 84—94. [Semantika ugrozy v lingvisticheskoy ekspertize teksta / A. N. Baranov. — Tekst : elektronnyy // Dialog : ezhegod. Mezhdunar. konf. — Moskva : Izd-vo RGGU, 2013. — Vyp. 12 : Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. — T. 1. — S. 84—94]. — URL: http://www.dialog-21.ru/media/1308/dialog_2013_vol1web.pdf. — (In Rus.)
3. Blokh, M. Ya. Discursive Expression of the Strategy of Intimidation in a Political Text of a Conflict Situation (based on the English language) / M. Y. Blokh, E. Y. Aleshina. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2015. — No 2 (52). — P. 75—79. [Diskursivnoe vyrazhenie strategii ustrasheniya v politicheskom tekste konfliktnoy situatsii: (na materiale angliyskogo yazyka) / M. Ya. Blokh, E. Yu. Aleshina. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2015. — № 2 (52). — S. 75—79]. — (In Rus.)
4. Vendler, Z. Illocutionary Suicide / Z. Vendler. — Text : unmediated // New in Foreign Linguistics. — Moscow, 1985. — Issue 16. — P. 238—251. [Illokutivnoe samoubiystvo / Z. Vendler. — Tekst : neposredstvennyy // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — Moskva, 1985. — Vyp. 16. — S. 238—251]. — (In Rus.)
5. Vodak, R. Language. Discourse. Politics: transl. from English and German / R. Vodak ; Voronezh State Pedagogical University. — Volgograd : Change, 1997. — 139 p. — Text : unmediated. [Yazyk. Diskurs. Politika : per. s angl. i nem. / R. Vodak ; VGPU. — Volgograd : Peremena, 1997. — 139 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
6. Issers, O. S. Speech Impact / O. S. Issers. — Moscow : Flinta : Science, 2009. — 224 p. — Text : unmediated. [Rechevoe vozdeystvie / O. S. Issers. — Moskva : Flinta : Nauka, 2009. — 224 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
7. Malinovich, Yu. M. Communicative-pragmatic Class of Threat Proposals / Yu. M. Malinovich, I. M. Semenova. — Text : unmediated // Logical-semantic and Pragmatic Problems of the Text. — Krasnoyarsk : Publishing house of Krasnoyarsk University, 1990. — P. 58—62. [Kommunikativno-pragmaticheskii klass predlozheniy ugrozy / Yu. M. Malinovich, I. M. Semenova. — Tekst : neposredstvennyy // Logiko-semanticheskie i pragmaticheskie problemy teksta. — Krasnoyarsk : Izd-vo Krasnoyarskogo un-ta, 1990. — S. 58—62]. — (In Rus.)
8. Nikitin, M. V. Course of Linguistic Semantics / M. V. Nikitin. — St. Petersburg, 1996. — 517 p. — Text : unmediated. [Kurs lingvisticheskoy semantiki / M. V. Nikitin. — Sankt-Peterburg, 1996. — 517 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
9. Radugin, A. A. Russian Language and Culture of Speech / A. A. Radugin. — Moscow : Library, 2004. — 256 p. — Text : unmediated. [Russkiy yazyk i kul'tura rechi / A. A. Radugin. — Moskva : Biblioteka, 2004. — 256 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
10. Steksova, T. I. Threat as a Speech Genre / T. I. Steksova. — Text : unmediated // Genres of Speech. — Saratov : Publishing house of GosUNTs "College", 1997. — P. 6—7. [Ugroza kak rechevoy zhanr / T. I. Steksova. — Tekst : neposredstvennyy // Zhanry rechi. — Saratov : Izd-vo GosUNTs «Kolledzh», 1997. — S. 6—7]. — (In Rus.)
11. Epshteyn, O. V. Linguistic Design of the Speech Act of Threat (based on the material of English political discourse) / O. V. Epshteyn. — Text : unmediated // Philological Sciences. Questions of Theory and Practice. — Tambov : Diploma, 2009. — No. 1 (3). — P. 216—220. [Yazykovoe oformlenie rechevogo akta ugrozy (na materiale angliyskogo politicheskogo diskursa) / O. V. Epshteyn. — Tekst : neposredstvennyy // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. — Tambov : Gramota, 2009. — № 1 (3). — S. 216—220]. — (In Rus.)
12. Epshteyn, O. V. Indirect Speech Act of Threat in Political Discourse (on the material of the English language) / O. V. Epshteyn. — Text : unmediated // News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. — 2009. — Vol. 11. — No. 4—5. — P. 1337—1339. [Kosvennyy rechevoy akt ugrozy v politicheskom diskurse (na materiale angliyskogo yazyka) / O. V. Epshteyn. — Tekst : neposredstvennyy // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. — 2009. — T. 11. — № 4—5. — S. 1337—1339]. — (In Rus.)
13. Donald Trump's speeches. — URL: <https://wwwrealDonaldTrump.com>. (date of access: 19.07.2020). — Text : electronic.
14. Halmari, H. In Search of "successful" Political Persuasion: A Comparison of the Styles of Bill Clinton and Ronald Reagan / H. Halmari. — Text : unmediated // Persuasion Across Genres: a linguistic approach. — Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2005. — P. 105—134.
15. Oxford dictionary of English (для ABBYY Lingvo x3). — Oxford University Press, 2005. — Computer program : electronic (date of access: 15.06.2020).